

Н. П. Кондаков

**Очерки и заметки по истории
средневекового искусства и культуры**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. П. Кондаков**
Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры / Н. П. Кондаков – М.: Книга по Требованию, 2023. – 464 с.

ISBN 978-5-458-57434-1

Изданная посмертно книга великого русского ученого Никодима Павловича Кондакова (1844-1925), представляет собой курс лекций, читанный автором в Карловом университете.

ISBN 978-5-458-57434-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

долгъ свой передъ Н. П. Кондаковымъ, она сдѣлала тѣмъ самымъ дѣло цѣнности всеобщей и непреходящей. Имя Н. П. Кондакова пользуется славой во всемъ ученомъ мѣрѣ; его работы долгіе годы сохраняютъ свою цѣну, и болѣе того — время ее еще увеличитъ. Какъ и другія его работы, „Очерки“ останутся незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи исторіи искусствъ и древностей, даже и тогда, когда въ частностяхъ придутъ къ инымъ выводамъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришелъ Никодимъ Павловичъ.

Л. Г. Нидерле.

Іюнь. 1929.
Прага.

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНЫХЪ КОЧЕВНИКОВЪ И ЮЖНОЙ РОССИИ (СКИФО-САРМАТСКІЯ)

ВВЕДЕНІЕ¹

Въ своемъ краткомъ предисловіи мы встрѣчаемъ нужду высказать свой общій взглядъ на научную постановку исторіи искусства. Хотя избранная для настоящаго сочиненія задача относится цѣликомъ къ области археологіи быта и искусства, тѣмъ не менѣе тѣсная связь самой археологіи искусства съ его исторіей требуетъ опредѣлить ихъ взаимное отношеніе.

Общій взглядъ на научную постановку исторіи искусствъ.

Въ современной литературѣ исторія искусства опредѣляется обычно, какъ исторія художественной формы, принимая эту послѣднюю въ широкомъ смыслѣ историческаго развитія формъ архитектуры, скульптуры, живописи и всѣхъ прикладныхъ искусствъ, и всякаго промышленнаго мастерства, связаннаго съ вещественной матеріей. Исторія формы во всѣхъ этихъ видахъ и областяхъ производитъ свои наблюденія надъ поступательнымъ движеніемъ формы, ея перемѣнами, традиціями, разносторонними вліяніями въ ней появившимися, упадкомъ и стаціонарнымъ повтореніемъ, разложеніемъ и исчезновеніемъ. Основная задача науки заключается въ историческомъ построеніи матеріала, и его сравнительной оцѣнкѣ, опредѣленіи времени каждаго памятника и отношеніи къ общей художественной дѣятельности опредѣленной эпохи. Историкъ искусства обязанъ при этомъ кратко обозначить содержаніе даннаго памятника, но не имѣетъ обязанности и нужды входить въ историческій анализъ этого содержанія, такъ какъ этимъ сложнымъ дѣломъ должна заниматься археологія искусства, строя въ своей области весь содержательный матеріалъ памятниковъ въ особыхъ группахъ, имѣющихъ свою исторію.

Уже на первый, общій, даже посторонній взглядъ, такое раздѣленіе формы и содержанія представляется не только бессмысленнымъ, но и, явно, вреднымъ для самого предмета. Современная литература исторіи искусства открыто направляется по такому одностороннему и ненормальному пути. Вполнѣ понятно, что такого рода крайность научнаго взгляда должна имѣть свои источники въ самой литературѣ предмета, о чемъ и приходится

¹⁾ [Всѣ подраздѣленія въ очеркахъ, равно и указанія на содержаніе на поляхъ, сдѣланы для удобства читателя и автору не принадлежатъ. Примѣчанія редакціи всюду обозначены прямыми скобками.]

сказать предварительно. Вряд-ли мы ошибемся, если скажемъ, что основной причиной такого формальнаго построения нашей дисциплины является, именно, тотъ громадный научный успѣхъ, котораго достигла въ теченіе всего XIX столѣтія классическая археологія. Продолжительное сосредоточеніе нашей науки именно на этомъ отдѣлѣ имѣло въ результатѣ такую многостороннюю разработку, что не только вся художественная древность греко-римскаго міра была разсмотрѣна, опредѣлена, разсортирована и истолкована по группамъ и отдѣльнымъ памятникамъ, но даже вся ея терминологія стала, своего рода, азбучнымъ знаніемъ образованнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи древняго искусства достаточно назвать статую Зевса, Аполлона, Діониса, чтобы всѣмъ грамотнымъ людямъ было понятно значеніе и содержаніе такого имени. Иного рода дѣло имѣло мѣсто въ средѣ восточныхъ отдѣловъ исторіи древняго искусства, и понятно — тамъ и доселѣ занятія художественными памятниками Египта, Ассиріи, Персіи тѣсно связаны съ занятіями обще-археологическими по египтологіи, ассириологіи и пр. И, нельзя не сказать, что даже, наприимѣръ, сочиненіе столь знаменитаго египтолога, какъ Масперо, по общей исторіи искусства въ Египтѣ, предполагающее, какъ будто предварительное и достаточное знакомство съ египетской миѳологіей и археологіей вообще, также даетъ чувствовать недостатокъ миѳологическихъ и историко-бытовыхъ разъясненій по памятникамъ. Какъ извѣстно, далѣе, на широкомъ археологическомъ принципѣ была построена исторія искусства въ древности — Жоржа Перро, но такъ понимали задачу нашей науки ученые прошлаго вѣка, и уже въ концѣ его использованіе полученныхъ другими научныхъ результатовъ приняло совершенно иной оборотъ, прежде всего въ общихъ руководствахъ по такъ называемой исторіи искусства. Съ того времени и доселѣ появились десятки, такъ называемыхъ, популяризаторовъ и руководителей въ области исторіи искусства вообще. Сначала за это дѣло брались сами ученые изслѣдователи, пытаясь дополнять по работамъ другихъ ученыхъ свои собственные, а затѣмъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ настоящее время и во всѣхъ другихъ наукахъ, легкая задача резюмированія чужихъ работъ стала исполняться лицами, совершенно непричастными къ научному изслѣдованію и даже къ его результатамъ, и большинство подобныхъ общихъ обзоровъ выполняется лицами, едва заявившими себя въ литературѣ предмета. Вполнѣ понятно, что для такого рода спѣшныхъ поѣздокъ излишней помѣхой является тяжелый багажъ археологіи, и общее обозрѣніе становится голой статистической номенклатурой и изобилуетъ легковѣрными, или вовсе легкомысленными, заключеніями по памятникамъ и предметамъ. Историкъ отечественной или иностранной литературы въ своихъ обозрѣніяхъ даетъ краткое изложеніе содержанія и фабулы литературнаго произведенія, тогда какъ историкъ искусства считаетъ себя въ правѣ судить о достоинствахъ и недостаткахъ эпохи или знаменитаго мастера, познакомившись въ снимкѣ съ нѣсколькими произведеніями, ставшими ему доступными.

Предлагаемые вниманию читателей эпизодические очерки культуры и искусства Восточной Европы, не претендуя на опытъ всесторонняго изслѣдованія данной области, имѣютъ, однако, своею задачею направить археологическую науку въ ту сторону средневѣковья, которая наименѣе доселѣ подвергалась изученію. Духовное отчужденіе историческихъ изслѣдователей отъ средневѣковья, порожденное эпохою Возрожденія и философски поддержанное XVIII вѣкомъ, продолжалось такъ упорно, что само по себѣ способствовало развитію и превосходству классической археологіи Греціи и Рима съ примкнувшими къ ней отдѣлами египтологіи и ассириологіи. Въ то же время услужливая теорія, вышедшая изъ классической школы, съумѣла почти сомкнуть упадочный періодъ класической литературы и культуры греко-римскаго міра въ романизованныхъ странахъ съ начальною эпохою Возрожденія. Промежуточная эпоха трехъ, четырехъ столѣтій средневѣковаго мрака, разсѣиваемаго временемъ Карла Великаго, оказывалась, такимъ образомъ, столь незначительною, что не требовала особыхъ усилій науки для ея заранѣе условленной характеристики. Руководясь исключительно исторіею средневѣковаго Рима, историческая наука опредѣлила, что исторія этого періода (IV-X вѣка) прошла „подъ знаменемъ церкви“, борьба съ которою начинается съ XI вѣка. Исторія средневѣковаго искусства ограничивалась исключительно „исторіею христіанскаго искусства“, и потому для народностей, принявшихъ христіанство только въ IX—X вѣкахъ, средневѣковой художественной жизни какъ бы не существовало.

Древности
Восточной
Европы.

Между тѣмъ, для той же Восточной Европы и политическая исторія и археологія древняго искусства и культуры знаетъ продолжительный и сравнительно богатый памятниками отдѣлъ древностей Босфора Киммерійскаго и скифо-сарматскихъ народовъ, который, начинаясь почти одновременно съ рожденіемъ переднеазіатской культуры, какъ бы прерывается въ III вѣкѣ по Р. Х. и не имѣетъ, будто бы, дальнѣйшаго хода въ исторіи.

Подобныя историческія несообразности понятны въ европейскихъ построеніяхъ Всеобщей Исторіи, которыя пока руководятся различными политическими взглядами и направленіями, но, очевидно, должны подчиниться прежде всего научнымъ требованіямъ полноты и связи, а затѣмъ естественному историческому интересу къ мало разработанной научной области средневѣковыхъ древностей.

Древности средневѣковья Восточной Европы тѣсно связаны съ древностями скифо-сарматскими, подобно тому, какъ древности Западной Европы съ греко-римскимъ міромъ, а сами скифо-сарматскія древности, въ свою очередь, связаны съ міромъ древняго Востока и съ тѣмъ же греко-римскимъ міромъ.

Отчасти въ силу послѣдней связи древностей скифо-сарматскихъ съ памятниками классическаго искусства и передней Азіи, Ассиріи и Персіи, также разработанныхъ, эти древности подверглись глубокой научной разработкѣ (преимущественно академикъ Л. Стефани), главнымъ образомъ, на основѣ

Изученіе скифо-сарматскихъ древностей.

изученія стилей и иконографическихъ типовъ греко-римскаго искусства по времени поступленія находокъ отъ ежегодныхъ раскопокъ.

Въ результатѣ такой разработки стали возможны и такія систематическія обзорѣнія всего накопленнаго матеріала, которыя сами по себѣ закрѣпляютъ глубокую важность и характерность вѣковыхъ историческихъ процессовъ, залегшихъ, какъ широкая база и неотъемлемый фундаментъ быта и культуры, на обширной территоріи степей Восточной Европы и прилегающихъ къ ней степей азіатскихъ. Таково обзорѣніе всего историческаго и археологическаго матеріала, составленное Кембриджскимъ профессоромъ Е. Г. Миннсомъ.¹

Въ послѣднее время эти древности явились предметомъ замѣчательнаго опыта исторіи Южной Россіи,² начиная съ такъ называемаго доисторическаго и протоисторическаго періода и кончая періодомъ классическимъ вплоть до эпохи переселенія народовъ, т. е. до средневѣковья: этотъ научный опытъ, основанный на стилистическомъ анализѣ памятниковъ искусства и историческихъ данныхъ, на изученіи надписей и монетъ и въ то же время на основѣ общей науки классической археологіи и древней исторіи, принадлежитъ извѣстному академику М. И. Ростовцеву. Ежегодныя обзорѣнія поступающаго вновь скиѣскаго археологическаго матеріала, исполняемая русскимъ специалистомъ по греческому искусству Б. В. Фармаковскимъ, завершаются систематическимъ изслѣдованіемъ архаическаго періода скиѣскихъ древностей и обѣщаютъ дальнѣйшее его продолженіе.³

Итакъ, литература скиѣо-сарматской археологіи представляетъ настолько высокій уровень въ изученіи ея матеріаловъ, что даетъ уже достаточный базисъ, дабы строить на немъ разслѣдованіе средневѣковой исторіи народнаго искусства восточныхъ территорій Европы. Въ то же время архео-

¹) Древности Босфора Киммерійскаго. СПб., 1854, въ листъ. Переиздано С. Рейнакомъ въ 1892 г. въ 8-ую. Древности Геродотовой Скиѣи. 1866 и 1873 въ 4-ую и въ листъ. Отчеты Имп. Археологической Комиссіи, 1859—1881 гг., 1882—8 г. въ 4-ую и въ листъ, 1889—1898 въ четвертую. Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи съ 1901 — въ 8-ую. [Матеріалы по археологіи Россіи, тт. 13, 31, 34, 37 и др.] А. Лаппо-Данилевскій. Скиѣскія древности. Записки Имп. Арх. О-ва. 1887. Н. П. Кондаковъ и графъ И. И. Толстой. — Русскія древности въ памятникахъ искусства. 1889—1890 г. вып. I, II и III, и на франц. яз. „Antiquités de la Russie méridionale“ въ 1891 г., въ сотруднич. съ С. Рейнакомъ. В. В. Латышевъ. Scythica et Caesica. Ellis H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

²) М. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford. 1922. Краткое предварительное изложеніе этого сочиненія на русск. яз. изд. въ Петроградѣ въ 1918 г., и статьи того же автора въ Journal des Savants 1920, въ American Historical Review 1921 и Revue des études Grecques 1921. [Также: М. И. Ростовцевъ: Скиѣя и Боспоръ. 1925, гдѣ стр. IV см. списокъ отдѣльныхъ статей того же автора за 1918—25; Сарматскія и индо-скиѣскія древности въ Recueil — Kondakov, стр. 239—258; Богъ-всадникъ на югѣ Россіи, въ Индо-Скиѣи и Китаѣ въ Seminarium Kondakovianum, I, стр. 141—6].

³) Б. В. Фармаковскій. Архаическій періодъ въ Россіи. Матер. по археологіи Россіи № 34. 1914 г.

логъ, построяющій свою науку на изученіи памятниковъ, имѣетъ передъ собою почву историческаго періода и притомъ разрабатываетъ матеріалъ исключительно объективный. Отсюда единственное условіе изслѣдованія — не терять связи съ древними источниками. Художественныя формы средне-вѣковыхъ памятниковъ будутъ измѣняться во времени, по территоріямъ, по народностямъ, но основа явленій останется непосредственно близкою къ древности, ея наслѣдіемъ. Показать историческія формы этой основы, суммировать культурное наслѣдіе древности, — такова задача краткаго введенія, намъ предстоящаго.

1.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на источникахъ и критическимъ анализомъ текстовъ Геродота усиливаться. Историческій взглядъ, установившійся какъ на текстахъ Геродотовой Скиѳіи, такъ и на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ китайскихъ хроникъ, окончательно выяснилъ племенную и бытовую связь кочевниковъ Азіи и Восточной Европы. Кратко говоря, можно считать утвержденнымъ, что большинство Скиѳскихъ племенъ, помимо финно-угорскихъ народовъ, было тюркской расы, но также большинство Сарматовъ, если не цѣликомъ было иранцами, то относилось все-таки къ индоевропейской расѣ. Возможно, далѣе, что пришедшая позднѣе племенная дифференціація еще не имѣла мѣста, и тюркская раса не знала еще подраздѣленій на монголовъ, турокъ и татаръ, когда уже сложился вполнѣ бытъ азіатскаго кочевья. Вообще всякіе опыты анализа извѣстій о кочевникахъ должны оставаться въ предѣлахъ предположеній, такъ какъ вполнѣ ясно само по себѣ смѣшеніе расъ у кочевниковъ, и названія Монголовъ, Турокъ, Татаръ, какъ и древнихъ Аланъ, Аваровъ, Гунновъ, указываютъ вовсе не на расы, но на исторически соединившіяся или смѣшавшіяся племена, выдѣлявшіяся изъ другихъ своимъ господствомъ въ послѣдовательно сформировавшихся группахъ племенъ, а не національнымъ сплоченіемъ и размноженіемъ, которое наблюдается у земледѣльцевъ. Если Геродотъ зналъ въ Скиѳіи десятки племенъ, то и современная Сибирь насчитываетъ у себя 32 племени, и между ними главныя племена, напримѣръ, татаръ, оказываются также смѣшанными, какъ Турки и др. Несравненно важнѣе для опредѣленія подобныхъ племенъ ихъ образъ жизни, обычно наиболѣе консервативный, по сравненію съ языкомъ и даже религіею. Всѣ эти племена и нынѣ представляютъ частью почти примитивныя формы быта, какъ напримѣръ, оленеводы, звѣроловы и рыболовы, частью же достигли высокой культуры. Однако, эта самая примитивность есть ни что иное, какъ переживаніе примитивнаго быта племени, имѣвшаго ранѣе высокую культуру и постигнутаго упадкомъ ея, вслѣдствіе размноженія кочевниковъ и угнѣсенія отъ земледѣльцевъ, а также собственнаго вырожденія. Идиллическія формы быта разныхъ Геродотовскихъ

Связь кочевниковъ Азіи и Восточной Европы.

Галактофаговъ, питающихся молокомъ, и Авіевъ, не знающихъ жизни, возможно, также были уже явленіемъ упадка и разложенія бывшей культуры. Возможно, далѣе, что формы быта кочевниковъ уживались въ примитивномъ видѣ рядомъ съ развитою культурою, промыслами и торговлею, и что въ степяхъ Европейской Сарматіи и въ равнинахъ Сибири существовали одновременно переходы отъ первобытнаго звѣроловства къ широкому скотоводству, коневодству и овцеводству, а равно и обратно, и притомъ съ переходами отъ земледѣлія къ кочевью. Точнѣе говоря, нѣтъ основаній представлять себѣ кочевниковъ Азіи и Южной Россіи, живущихъ собственно пастушескимъ бытомъ подобно ли библейскимъ праотцамъ или современнымъ Бедуинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, азіатское кочевье и доселѣ происходитъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ такъ называемый пастушескій бытъ, и, на примѣръ, точные свидѣтели сообщаютъ, что въ громадной Монголіи каждая кочевая семья владѣетъ, по крайней мѣрѣ, 20—25 конями, 50 баранами, 15 штукаами рогатаго скота, 10 верблюдами и проч.

Бытъ
кочевниковъ.

Вотъ какими яркими чертами набрасываетъ монгольскій эпосъ¹ идеальную картину кочевого хозяйства на территоріи Алтая и его отроговъ въ тѣ счастливыя времена кочевья, когда тамъ „господствовалъ миръ и всюду разливалось его благополучіе“, „вожди народа обладали неистощимыми добродѣтелями“, во времена богатейшей. „Возвышается пятидесятиголовый, сокровенный Хангай, выросшій сразу безъ скатовъ-уваловъ; подымаются нагроможденныя алтайскія горы, выросшія безъ переваловъ, возвышаются глухіе бѣлые утесы, темнѣютъ непроходимыя заросли, чащи лѣса улаждаютъ глазъ, бѣлѣютъ снѣговые хребты, возвышаются ледяныя вершины. Вотъ радостная, прекрасная отчизна. Наполняя отроги Алтая и Хангая выросъ и завладѣлъ тою мѣстностью табунъ пестрыхъ и вороныхъ съ гнѣдыми коней, имѣли они видъ знаменитыхъ скакуновъ, много разъ теряли имъ счетъ. Красные и желтые верблюды выросли, наполнивъ Гоби на склонахъ Хангая; имъ товарищами черные верблюды; кладеные верблюды ходятъ отдѣльно табуномъ сотни тысячъ, трехъ-годовалые табунами въ десять тысячъ, однолѣтки, двухлѣтки ревутъ табунками на мѣстахъ съ дикимъ чеснокомъ, кормятся и жирѣютъ. Красныя коровы, которымъ счетъ много разъ теряли, и безрогіе красныя быки заполнили ширину степныхъ равнинъ и рѣчныя ущелья. Черныя быки, куцыя волы съ намордниками и безъ нихъ, бычки и телята бѣгаютъ по горнымъ те-

¹) Монголо-Ойратскій героическій эпосъ. Переводъ и вступленіе проф. Б. Я. Владимірцова, Петроградъ, 1923 г. Конечно, такія лирико-эпическія вступленія въ народномъ эпосѣ, былинахъ и пѣсняхъ повсюду не чужды подражательныхъ переѣвовъ искусственной и письменной лирики, и въ данномъ случаѣ полезно было бы отъ знатоковъ слышать детальныя указанія отношеній монгольскаго эпоса къ литературамъ культурной Азіи. Любопытно, на примѣръ, близость этихъ вступленій къ китайской лирикѣ VII в. по Р. Х. отрывки которой изданы въ переводахъ въ журналѣ „Востокъ“, 1923 г., кн. I, стр. 39—45.

рассамъ. Трехлѣтніе прыгають по балкамъ, двухлѣтки и малые телята скачуть и трусятъ на сырыхъ лукорѣчьяхъ. Красный рогатый скотъ завладѣлъ всею тою стороною. Овцы бѣлыя какъ раковина выросли, наполнивъ подъемы тринадцати алтайскихъ переваловъ; цѣлая область народа наблюдала за ними, бараны и козлы ходятъ отдѣльно, давно потеряли имъ счетъ, и невозможно сказать, какъ много этого скота.

Посреди Алтая и Хангая дымятся десять широкихъ равнинъ, синѣютъ разныя травы, плодовые и сандаловыя деревья качаются, птицы летаютъ стаями. Степная полынь и ковыль поднимаются вмѣстѣ, всюду повыросли разныя цвѣты, тѣсняются, переплетаются корнями. Бѣлыя антилопы кружатся, широко разбредаются и пасутся; бѣгають, играя, тигры и медвѣди, шумятъ лебеди и разныя птицы, дикіе кони скачуть съ грохотомъ. Черныя беркуты стенають, подстерегая добычу. По склонамъ горъ колышутся развѣсистыя деревья, щебечуть пестрыя птицы, таетъ съ шипѣньемъ снѣгъ на высотахъ, густая трава колышется стѣною.“

Далѣе знаемъ, что кочевники Средней Азіи, Алтая и Западной Сибири издревле жили рядомъ съ высококультурными странами: Согдіаною, Бактріею, Парѣіею, Персіею, Индіею и Китаемъ, и находились съ ними въ постоянномъ общеніи и равно въ непрестанной войнѣ. Равно и кочевники Южной Россіи близко знакомы или даже связаны были съ культурою Греціи, Юніи, Сиріи и Арменіи. Кочевники развили у себя въ колоссальныхъ размѣрахъ коневодство, излюбивъ и самого коня, лучшія верховыя породы котораго (аргамаки) поставляли они на древній міръ, а его мясо предпочитали всякой иной пищѣ, равно какъ и кумысъ изъ молока кобылицъ. Алтай, Монголія, равнины Средней Азіи кормятъ и нынѣ колоссальное овцеводство, не требуя заготовки корма на зиму, когда стада переходятъ на горы. Окрестныя лѣса дѣлали кочевника звѣроловомъ или страстнымъ охотникомъ, и понятно, что именно кочевники издревле поставляли для культурныхъ странъ мѣха. Какъ скотоводы, кочевники стали поставщиками кожъ, заведя у себя мастерскія для ихъ дубленія и выдѣлки конской упряжи, ремней, сапогъ (по сіе время племена Кавказа, Лезгины и др.). Овцеводы стали шерстобитами, сосредоточиваясь въ кустарныхъ мастерскихъ на выдѣлкѣ войлока для палатокъ, кошмъ для половъ, мягкихъ шляпъ, затѣмъ грубыхъ видовъ сукна и т. д. Именно у нихъ развилось производство ковровъ, также сначала ограничивавшееся паласами (ковры безъ мохнатого верха), а въ Средней Азіи и обработка хлопка, выдѣлка пряжи и тканей бумажныхъ и вышивки, вмѣстѣ съ шитьемъ шелками, золотомъ и серебромъ, украшенія одеждъ, столовыхъ приборовъ и пр. Кочевники же, удаленные отъ городовъ, какъ на примѣръ, въ Западной Сибири и на Сѣверѣ, занялись рано выдѣлкою мѣдной посуды (доселѣ этимъ мастерствомъ славятся задвинутыя въ предгорья Кавказа народности, таково извѣстное село Кубечи и др. въ Дагестанѣ). Такимъ образомъ, совершенно ясно, что культура приходила къ кочевникамъ ранѣе, чѣмъ къ земледѣльцамъ, и таково

Культурный
уровень
кочевниковъ.

должно быть историческое положеніе. Но, въ противность этого очевиднаго вывода по историческому наведенію, въ современномъ обиходѣ доселѣ остается индуктивнымъ путемъ полученное (см., напр. въ соч. Вундта о „Народной психологіи“, томъ X) соображеніе, что культура и государственная жизнь создаются ранѣе у земледѣльца, какъ у осѣдлаго труженника. Впослѣдствіи мы увидимъ ясно ходъ нарощенія культуры у Славянъ земледѣльцевъ въ результатѣ общенія съ кочевымъ бытомъ, а также появленія у нихъ же государственныхъ формъ, въ видѣ прикрѣпленія къ власти кочевой орды.

Государ-
ственность
у кочевниковъ.

Основная причина такого историческаго факта заключается въ основномъ явленіи кочевого быта, подмѣченномъ еще Библиею въ пастушескомъ быту Востока: именно въ естественномъ нарастаніи кочевого богатства, о которомъ въ идиллической формѣ повѣствуютъ первыя книги Бытія въ исторіи Авраама и Іакова. Шах-Наме рассказываетъ, какъ разъ богатырь Персіи Рустемъ съ семью товарищами задумали потѣшиться охотою въ „ловахъ“ Афрасіаба (у Турокъ или Туркменъ) и нашли такой парадизъ, окруженный горами и рѣкою, что семь дней били тамъ всякую запасенную дичь: львовъ, оленей, козъ, зайцевъ, фазановъ и пировали, и только тогда стали уходить оттуда, когда дошелъ слухъ, что узналъ Афрасіабъ о появленіи смѣльчаковъ и высылаетъ засаду на перерѣзъ имъ — сто тысячъ всадниковъ на панцырныхъ коняхъ. Богатства Турана и арабскихъ кочевниковъ воспѣваются поэмою Фирдуси въ рядѣ эпизодовъ, правда, также въ идиллической картинѣ кочевья: у мудраго мужа, всадника, изъ пустыни, могучаго владыки и благочестиваго чловѣка, владѣльца дойныхъ стадъ, стояло на готовѣ десять тысячъ коней въ золотой упряжи, и сынъ молодой уже мечталъ о міровомъ завоеваніи. Но тѣ же самыя богатства вызвали рано постановку кочевья на военную ногу, ради охраненія занятой территоріи и еще болѣе ради приобрѣтенія новой.

Азіатскіе кочевники, захватившіе колоссальныя территоріи для своихъ пастбищъ, уже въ глубокой древности, какъ напримѣръ, Гунны,¹ по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, еще во II тысячелѣтіи до Р. X. перешли изъ мирнаго, но разрозненнаго быта, на военное положеніе, создавъ орду, а въ ней учредивъ ханство или царство, простиравшееся сначала отъ Урала до Китая, а затѣмъ раздѣлившееся на два: восточное и западное, и послѣ того дробившееся, въ силу формировки крупныхъ и мелкихъ ордъ. Орда представляетъ по существу сборъ кочевниковъ, ихъ кругъ, и въ то же время составляетъ ихъ лагерь, военую стоянку, съ которой весь кругъ, готовый къ походу, т. е. — точнѣе — набѣгу, по близости или даже за предѣлами Азіи, обязанъ идти за воеводою, какъ его свита (орда), или какъ вся военная сила народа, племени, или всего ханства. Остановившись, орда разомъ об-

¹) См. указ. соч. Minns p. 35—50, 91—130 и др., равно Rostovtzeff, p. 35—61, далѣе статьи и изложенія мнѣній де Гиня, Друэна въ Grande Encyclopédie, v. Huns.